

*Третий Рим — гениальный юродивый —
Расправляет лохматые волосы...*

Илья Тюрин

Третий Рим, второй Ершалаим —
Сколько прозвищ мы тебе дарили?
Мы торгуем, строимся, горим —
Вечен ты в своей лукавой силе.

Над тщетою опальных наших дней,
Где мелькает злоба дня пустая,
Вновь Москва, как город-Назорей,
Волосы — дороги распускает —

Спутанные, в седине снегов,
Словно сеть, которой ловят небо...
Семь холмов, семь башен, семь Голгоф,
Лоб Земли, сплетенье русских нервов.

С древности, с монголов, с Калиты
Ты сбирала землю по крупицам,
Чтоб смогли все русские мечты
О твоё величие разбиться.

Слобода за слободой росли,
Ни мороз, ни враг им не был страшен,
И тянулись к небу от земли
Пальцы красные кремлёвских башен...

Прирастая гордостью своей,
Строилась ты на крови и славе —
Каменными юбками церквей,
Медными волнами православья...

Из судеб нарублены рубли...
Полон мыслей о стране распятой
Лоб, таящий мозг всея Земли,
Словно площадь Красная, покатый.

Лобные места, кресты церквей,
Автотрассы, башни, дым и грохот...
Слился с правдой — общей и моей —
Этот злой, великий, тёмный город.

Третий Рим, огромен и суров, —
Сердце, кровь гонящее без цели,
Город звона, казней и крестов,
Город плясок, гульбищ и метелей...

В нём хранится, до поры таим,
Русский путь от смерти к воскресенью —
Третий Рим, второй Ершалаим,
Город — царь и город — наважденье.

С добрым утром, калужина духа!
Тесто в тесте! В матрёшке матрёшка!
В горле — ком! На старуху — проруха!
Сто одежек — и все на застёжках!

Город, солнцем слегка прикопчённый,
Там, где под ноги падают груши,
Где гордятся космистом учёным,
Туговатым на ухо и душу.

Где, от бражки опухнув, охрипнув,
Забивают козла... На закате
Местный изобретатель Архипов
На тележке под горочку катит.

Пряник мятный! С секретом шкатулка
Расписная от края до края!
Птица в зайце! Кораблик в бутылке!
Пой, танцуй! Играй же, играя!

Предавайся пороку, обману,
Пьянству, чванству, соблазну... Но — глядь!
Всё равно с утраца, по туману —
Тишь да гладь! Да церквей благодать!

И, где время смыкается с вечным,
Преломлённую ложкой в стакане
Проплывёшь ты вдруг в облаке млечном,
В перламутре сияя и в скани!

Ольга АНДРЕЕВА

Это февральский Ростов. Это Кафка.
Серое мутное жидкое небо.
Город бессилён, контакт оборвался
оста и веста, и севера с югом.
Мерзко, но цельно зияет подсказка
в грязных бинтах ноздреватого снега:
всё завершится сведённым балансом —
жадность и страх уничтожат друг друга.

Не соскользнуть бы в иллюзию. Скользко.
Под сапогом мостовая в движение
кобры шипучей. Портовые краны
кромку заката изрезали в раны.

Тот, кто взошёл на Голгофу – нисколько не нарушает закон притяженья.
Можно об этом поспорить с Ньютоном запанибродским этаким тоном.

Почерк врача неразборчив – подделай всё, от анамнеза до эпикриза:
может, дозиметры и не зашкалят,
только повсюду – приметы распада.
Выпить цикуту? Уйти в декаденты?
В партию «Яблоко»? В творческий кризис?
Я ухожу – я нашла, что искала –
в сказочный город под коркой граната.

Иван ДЕНИСЕНКО
НОВОРОССИЙСК

Какая тесная страна!
Какая странная планида...
Ещё тепла была струна,
ещё не сдвинулась Луна,
а я уже рассказам гида
внимал: «Вот здесь была Колхида,
страна чудесного руна!..»

И всё смешалось – явь и сон.
То горячась, то холодея,
я мыслил: «Здесь жила Медея,
которую увёз Ясон.
Богов следил за ними сонм...»
Какая странная идея!
Кавказ, Колхида... Хватит! Где я?

Я – в море. Ветр берёт разгон,
и гул его подобен мессе.
С таким же гулом падал «мессер»
и гас с шипеньем, как дракон
(куда там байкам о Лох-Нессе!),
а там, на берегу другом,
в далёкой солнечной Одессе
я жил в столетии ином...

Но здесь слова – всего лишь чад;
в ответ гора не скажет: «Ух ты!»
и окольцованные бухты
так равнодушно промолчат;
и с берега не промычат
бурёнушки с глазами Будды.
Всё безответно здесь – как будто
слова бессмысленно звучат...

Ещё не брезжила заря,
Ещё метель боролась с ливнем,
И стёкла, вспышками горя,
Сливались в паутину линий;
Проулки, улицы булинем
Сплетались, словно говоря:

«Какая тесная страна!
Какая странная планида...»

Ирина НАДИРОВА

О КУЗБАССЕ

Серые отвалы – чёрный уголь.
Лезь на уголь, вот - смотри: луна!
И она сейчас идёт на убыль –
И Кузбасс идёт на убыль, на...

Кладбище растёт. Растут коттеджи.
Место ссылки – это где-то здесь.
Но шахтёр работает прилежно:
Жить тут можно – вопреки, вразрез.

Светлана КУРАЧ
САХАЛИН

По форме так похож на рыбу остров!
Плывёт он на востоке по волнам.
А долететь туда теперь непросто,
Припасть щекой к прибрежным валунам,

Солёным, отшлифованным и тёплым,
И растянуться на одном из них...
Перебирать ракушки, камни, стёкла,
Скелеты звёзд и ёжиков морских.

А стёкла так зализаны волною:
Что ни стекло – то камень-самоцвет.
Смотри – и жизнь покажется цветною,
Где чёрно-белых красок больше нет!

Отечества нам сладок запах дыма.
Я так мечтаю встретиться с тобой,
О, девочка, глазами пилигрима
Смотрящая на пенистый прибой.

Алексей ПАНИН

Ах, птица-тройка, где тебе до нас!
Лихой ямщик в железной таратайке
Ногой привычной выжимает газ
И мчится вдаль, не пользуясь нагайкой.

Он равнодушен к красоте берёз,
Не замечает мусора и свалок.
Хотя бы чёрт его по трассе нёс,
Рука б всё также крепко руль держала.

Кто в пассажирах – тоже всё равно:
Заезжий франт, остриженный по моде,
Чиновник, втиснутый в мундирное сукно,
Кокотка в кружевах не по погоде.

Лишь тени лошадей над призрачной землёй,
Лишь песня-жалоба на воровском наречье.
Лети, душа, дорогой кольцевой, –
Уж верно, остановка недалече.